
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

В. Ф. ПЕТРЕНКО, О. В. МИТИНА,
И. Н. КАРИЦКИЙ

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ*

Обсуждаются проблемы изучения коллективной ментальности, то есть картины мира того или иного этноса или религиозной общности. Статья представляет собой эмпирическое исследование этнического менталитета и семейно-бытовых женских стереотипов русских и жительниц Дагестана, проведенное в рамках изучения Евразийского мира. Рассматриваются семантические пространства социальных стереотипов. Использовалась психосемантическая методика множественной идентификации.

Ключевые слова: ментальность, психосемантика, Евразийский мир, евразийский менталитет, женские стереотипы.

Проблема менталитета людей того или иного этноса, той или иной эпохи – область, где в большей степени сходятся интересы психолога, историка и этнографа и где оказывается близким концептуальный аппарат, используемый в этих науках. Рассмотрим, например, результаты психологического исследования политических представлений населения. Что это? Исторический документ или психологическое исследование менталитета «дня сегодняшнего»? Исследование месячной давности? годовой? Если быть строгим, все, что изучает психология, – уже история, ибо «нельзя дважды войти в одну и ту же реку», и человек, и человечество непрерывно меняются.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10451. Авторы выражают благодарность М. Ш. Магомед-Эминову за помощь в проведении эмпирического исследования.

Вместе с тем исторические факты и события не могут быть интерпретированы и поняты вне контекста эпохи, ее духа, вне «не высказанных эксплицитно, не вполне осознанных в культуре умственных установок, общих ориентаций и привычек сознания, “психического инструментария”, “духовной оснастки” людей... – того уровня интеллектуальной жизни общества, который современные историки обозначают расплывчатым термином “ментальность”» (Гуревич 1984: 8).

Историческую антропологию с психологической наукой сближают не только предмет, но и исследовательский инструментарий, нацеленный на реконструкцию категориального строя сознания, вычленение «категорий, образующих картину мира» (Там же: 11). Анализ ментальности народов евразийского пространства представлен в работах Г. В. Аكوпова (2009), Н. Н. Алексеева (1998), Л. Н. Гумилева (1989; 2007; 2008), В. К. Даржи (2007), И. Н. Карицкого (2011), М. Б. Кенин-Лопсана (2002), А. П. Назаретяна (2015), В. Н. Ким (2004), В. Ф. Петренко и И. Н. Карицкого (2012), В. Ф. Петренко и О. В. Митиной (2011), О. О. Сулейменова (1975), Н. О. Товуу (2009), Н. С. Трубецкого (1999), Е. Н. Черных (2009) и др. Подход, связанный с выделением «категорий, образующих картину мира», восходит к идеям И. Канта (1964) об априорных категориях сознания и представлениям В. Гумбольдта (1984) о «внутренней форме языка, отражающей дух народа», позже нашедших операциональное воплощение в понятии семантического поля неогумбольдтианцев (Й. Трир, Л. Вайсгербер, В. Порциг), а в самой исторической науке – в исследовании этнической и цивилизационной картины мира О. Шпенглера (1993). Как пишет В. С. Степин (1986: 43), «преобразование объектов в человеческой деятельности является главным определением самого человека, выражением его сущности и основанием человеческого мира». Поэтому категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемые в человеческую деятельность, выступают в качестве базисных структур сознания.

Категории, как и человеческое сознание в целом, находятся в постоянном развитии. В работах А. Я. Гуревича приводится множество ярких примеров различий в представлениях человека средневековой Европы и человека индустриального общества. «Мы имеем в виду, – пишет историк, – такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному,

отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода “модель мира” – ту “сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (Гуревич 1984: 28).

Наряду с объектными, базисными категориями рефлексивное сознание выделяет атрибутивные категории, характеризующие социальное бытие человека. Например, в философии экзистенциализма до уровня мировоззренческих категорий поднимаются такие эмоции и психические состояния, как чувство вины, сопричастности, страха, одиночества и т. п. Грань между категориями философского или научного сознания и категориями обыденного сознания достаточно условна. Последние, развиваясь и обрастая системными связями и отношениями, могут подниматься от уровня бытовых представлений до уровня понятийных форм. Специфика категорий как наиболее общих и емких значений заключается в системной организации их содержания, а не в формах их репрезентации (образной или знаковой). Поэтому в психологии используют термин «категориальные структуры» применительно и к сфере восприятия, и к области понятийного, вербального мышления. Так, Дж. Брунер (1977) называет перцептивными категориями целостные перцептивные гипотезы, свернутые до некоторого единичного перцептивного эталона, определяющего построение и распознавание образа.

В психологической науке исследования категориальной структуры человеческого сознания реализуются главным образом в рамках экспериментальной психосемантики (Петренко 1983; 1988; 2010), инструментальный аппарат которой был заложен работами Ч. Осгуда (*Osgood et al.* 1957) и Дж. Келли (2000). В рамках этого подхода операциональной моделью сознания и картины мира выступают многомерные семантические пространства. Экспериментальная психосемантика с помощью методов многомерной статистики (факторного, кластерного анализа, многомерного шкалирования и др.) позволяет выделить базисные категории. При геометрическом модельном представлении они выступают координатными осями некоего многомерного семантического пространства, а анализируемые объекты картины мира задаются в виде координатных точек внутри этого пространства. Параметры семантического пространства выступают операциональными коррелятами когнитивных структур.

Так, размерность пространства (число независимых категорий-факторов) отражает когнитивную сложность сознания, меру его категориальной расчлененности. Мощностъ выделенных категорий-факторов (вклад фактора в общую дисперсию) отражает субъективную значимость для человека данного основания категоризации. Размещение объектов анализа в семантическом пространстве позволяет зафиксировать представления исследуемого человека об анализируемом объекте и описать этот объект на метаязыке выделенных категорий-факторов. Анализ трансформации семантических пространств позволяет описывать динамику индивидуального и общественного сознания и т. д.

Подходы, используемые экспериментальной психосемантикой, могут оказаться методически полезными и для формализованной репрезентации результатов исторического анализа сознания в различные эпохи. Тем не менее следует обозначить ряд принципиальных проблем, затрудняющих проникновение психосемантических методов в историческую науку. Главная из них заключается в том, что психолог обращается к сознанию его реальных носителей, персонально участвующих в психосемантическом исследовании, причем сознание респондентов задействовано в «режиме употребления», а не в акте рефлексии или самосознания. Поясним это на примере. В лингвистике используются понятия «*language competence*» и «*language performance*» – знание языка и языковые умения. Так, маленький ребенок может прекрасно говорить на своем родном языке (т. е. обладать *language performance*), но не осознавать правила его грамматики (*language competence*). Но ведь если ребенок порождает грамматически правильные конструкции, то, следовательно, он владеет и правилами, по которым строятся речевые высказывания, хотя и не осознает их. Аналогично взрослый человек может не осознавать *категориальный строй собственной картины мира*.

Как писал Л. С. Выготский (1934), понятия (и, соответственно, категории как наиболее общие понятия), будучи средством познания, могут не осознаваться субъектом как таковые. Поэтому в психосемантическом эксперименте перед респондентом не ставится задача на осознание собственной категориальной сетки мировосприятия. Ему даются задачи, где система значений задействована в *режиме употребления*. Человек в психосемантическом эксперименте что-либо классифицирует, оценивает, выносит конкретные единичные суждения, а результаты этой деятельности накаплива-

ются и фиксируются в форме матрицы данных, из которой с помощью многомерного статистического анализа исследователь затем выделяет базисные категории. Эти категории-факторы и задействованы в режиме употребления при вынесении некоторого множества единичных высказываний и суждений респондентом. Таким образом, по результатам конкретной деятельности испытуемого исследователь реконструирует эту категориальную систему, которая может и не осознаваться самим испытуемым, но образует категориальную структуру его собственной картины мира.

В исторической антропологии историк основывается *на собственных представлениях* о той или иной эпохе и, проникаясь ее духом и менталитетом (т. е. пытаясь стать ее «носителем» не по крови, а по духу), стремится отрефлексировать ее категориальный строй, обращаясь к собственному историческому сознанию. Респондент и исследователь оказываются представлены в одном лице – своеобразном «очевидце» не виденных, но воссозданных в воображении событий.

Как совместить достоинства обоих подходов к исследованию менталитета: большую отстраненность и отсюда, возможно, большую объективность психосемантического анализа, обращенного к сознанию массы обывателей, и историческую компетентность и интерпретационную виртуозность историка, обращенного к собственным представлениям об изучаемой эпохе? Эта проблема, решение которой может обогатить и историческую, и психологическую науку, пока (хотелось бы верить, что только пока) далека от своего решения.

В качестве гипотетических наметок можно было бы отметить только то, что и психолог, анализирующий семантическое пространство респондента (описывающий его менталитет), не свободен от интерпретационных проблем. И психология, и история как гуманитарные науки являются науками о понимании, т. е. герменевтическими науками (Гадамер 1988; Братусь 1995; Василюк 2005). Однако многомерное семантическое пространство с его координатными точками восприятия множества объектов выступает своеобразной синхронической партитурой (картиной, картой, схемой), которую породил респондент и которую должен прочесть исследователь.

Возможно, что разведение позиций исследователя и субъекта мировосприятия, совмещенных в одном лице, для историка удастся реализовать через создание тезаурусов исторических документов

и огромного материала личных дневников, писем, литературного творчества людей изучаемой эпохи. Развитие компьютерных технологий с их огромными возможностями хранения информации может привести к созданию обширных баз данных, построенных на основе исторических документов, – своеобразной формализованной и упорядоченной «исторической памяти», представленной в форме семантических пространств, семантических сетей или иных способов репрезентации. В таком случае открывается перспектива исторической психосемантики или психосемантического анализа в исторической антропологии.

Ментальность, картина мира и поступки людей определяются как сознательными (понятийными) концептами и рациональным мышлением, так и бессознательными установками, архетипами бессознательного, образами, символами, практиками работы в измененных состояниях сознания, медитативными и созерцательными практиками.

К проблеме евразийского менталитета

Понятие Евразийского мира семантически чрезвычайно расплывчато. Оно возникло в лоне славянофильства в контексте представлений о России как особой форме цивилизации, с одной стороны, впитавшей культуру и религию восточного христианства (Византии), с другой стороны, в силу пограничья с мусульманским миром и более трех веков вассальной зависимости от Золотой Орды, вобравшей в свой менталитет как культурные достижения, так и деспотические установки и формы устройства татаро-монгольской государственности. Понятие Евразийского мира (евразийства) стало теоретическим обоснованием идей об особой исторической форме российской цивилизации и особом пути ее развития (Н. Данилевский, А. Хомяков, К. Аксаков, К. Леонтьев, Н. Страхов).

Эти идеи нашли распространение в среде русской эмиграции первой волны (Н. Алексеев, В. Ильин, Г. Флоровский, Н. Трубецкой, П. Савицкий, Р. Якобсон, Л. Карсавин, В. Сеземан, Д. Святополк-Мирский) и получили в дальнейшем мощный импульс в творчестве Л. Гумилева (1993), полагавшего, что «Россия будет спасена как евразийская держава». В настоящее время идеи евразийства переживают второе (или третье?) рождение в соперничестве идеологий на постсоветском пространстве (Акаев 2011; Лавров 1999; Титаренко 2011).

По аналогии с противопоставлением славянофилов и западников в XIX веке в начале XXI века в России можно выделить ряд конкурирующих идеологий, а также присущих населению политических менталитетов, иногда не зависящих от национальности и вероисповедания, а иногда обусловленных акцентуацией национальной или религиозной принадлежности. 1. Либерально-западный менталитет, ориентированный на рыночную экономику и интеграцию России с западными демократиями. 2. Коммунистический менталитет, доминировавший в Советском Союзе более семидесяти лет и оставивший глубокий след в умах значительной части населения. 3. Условно говоря, «стоическо-трудолюбивый» менталитет значительной части населения (инженеров, рабочих, фермеров, врачей, учителей, ученых, трудом которых поддерживается само существование государства) – людей, ориентированных прежде всего на свою профессию и семью и честно «тянущих воз» российской экономики. 4. «Конформистско-потребительский» менталитет людей, мало интересующихся общественной жизнью и политикой и ориентированных более всего на получение благ для себя и своих близких. 5. «Демократическо-правозащитный» менталитет, свойственный преимущественно интеллигенции. 6. «Национально-патриотический» менталитет, доминирующий в силовых структурах и присущий значительной (в том числе и маргинальной) части населения. 7. «Православно-консервативный» менталитет, ориентированный на «Россию, которую мы потеряли», и подчас несущий в своей идеологии ностальгически-монархические нотки. 8. Космополитический «богемно-творческий» менталитет людей свободных профессий и искусства, ориентированных прежде всего на самоактуализацию и самореализацию. 9. Менталитет незначительной, но весьма агрессивной части жителей Северного Кавказа, Татарстана и Башкирии с фундаменталистскими установками ислама (в частности, ваххабизма), ориентированных на создание Всемирного халифата и Кавказского эмирата. 10. «Уголовно-криминальный» менталитет миллионов людей, вовлеченных в постсоветский период в криминальную деятельность, частично легализовавшийся в бизнесе. 11. Наконец, менталитет евразийства, ориентированный на особенности российской цивилизации, разместившейся на огромных пространствах Европы и Азии и, при доминировании по численному составу русского населения, включающей в себя более ста различных по языку и религии этносов. На общероссийский менталитет повлияли культура и система ценностей нерусских по нацио-

нальному составу республик и регионов, входящих в Российскую Федерацию, а также менталитет приграничных стран и народов. Для части населения национальных республик Российской Федерации и населения ныне независимых государств, ранее входивших в Советский Союз, идеи евразийства – идеологическое обоснование идентификации и единения с российской ментальностью и государственностью.

Предлагаемая типология ментальности не претендует на полноту, а выделенные типы, образуя пересечения, дают еще более дробную картину.

Интерес к проблеме евразийства со стороны авторов настоящей статьи обусловлен кризисной ситуацией на Северном Кавказе, связанной с распространением исламского фундаментализма как идеологического обоснования терроризма и сепаратизма. Идеологией антитезой для местного населения могла бы выступать идеология евразийства, обосновывающая историческую необходимость интеграции народов внутри Евразийского мира.

В июне 2011 года на заседании Президиума РАН академик Г. Матишев выступил с докладом «Причины и обстоятельства роста напряженности и поиск стабилизации на Северном Кавказе», где, в частности, обсуждались проблемы системного кризиса этого региона, выражающиеся в отсталой инфраструктуре, безработице, архаичном сельском хозяйстве, теневой экономике, коррупции и клановости. Крайним проявлением кризиса стала криминально-террористическая война, развязанная исламистскими бандформированиями, численность которых доходила до 1,5 тыс. бойцов. Эскалация насилия приводит к росту жертв как среди местного населения, так и среди сотрудников милиции (полиции) и военнослужащих. Потери силовиков за последние годы сопоставимы с потерями, которые СССР нес в Афганистане. «Напряженность выплескивается за пределы Кавказа на приграничные края и области. Во многих районах Ставрополя, Ростовской, Волгоградской, Астраханской областей, Калмыкии становится все больше выходцев из северокавказских республик. Вместе с этнической миграцией распространяется и ваххабизм. И это лишь малая часть того, что происходит на Северном Кавказе» (Волочкова 2011: 8).

Объект исследований

В качестве объекта нашего исследования был выбран Дагестан – самая многонациональная республика Северного Кавказа (насчитывающая по переписи 2007 года 2658,6 тыс. жителей), ко-

торая может служить примером системных проблем, переживаемых населением этого региона.

В населении Дагестана представлены (по нисходящей численности): аварцы, даргинцы, лезгины, русские, лакцы, табасараны, чеченцы, азербайджанцы, ногайцы, таты (горские евреи), рутульцы, агулы, цахуры и др. Конфессиональная принадлежность большинства жителей – ислам (более 2100 культовых организаций); имеются также христиане: Русская православная церковь – 14 организаций, старообрядцы – 1, христиане-пятидесятники – 10, христиане-баптисты – 7, Свидетели Иеговы – 4, адвентисты седьмого дня – 3, Армянская апостольская церковь – 2, евангельские христиане – 1; иудаисты – 5 религиозных организаций (Экономическая... 2009).

Особенность Дагестана – высокий удельный вес сельских жителей (около 60 %), высокая рождаемость и высокий уровень безработицы. Проблемой является также чрезвычайно высокая плотность населения: 52,9 человека на 1 кв. км (в среднем по России – 8,3). Все эти факторы накладывают определенный отпечаток на экономику и менталитет дагестанцев. Экономика Дагестана на 75 % является дотационной.

Цели исследования

Гендерное поведение и связанная с ним система социальных и индивидуальных норм и запретов – одна из важнейших сфер культуры в любом обществе. Она подробно регламентируется в религиях в форме заповедей, предписаний, посланий и т. д., указывающих на то, что позволительно делать, а что – нет внимательному сыну и храброму брату, достойному мужу и отцу семейства, скромной дочери, ласковой сестре, праведной жене и заботливой матери. Исследование гендерных стереотипов, присущих той или иной культуре, является важным компонентом анализа общественного менталитета и реконструкции этического правосознания (Гапова, Усманова 2000; Костикова 2005; Митина 1999; Митина, Петренко 2002). Помимо цели исследования гендерных стереотипов дагестанских женщин мы также хотели выявить и некоторые установки веротерпимости и межнациональных отношений, включив в опросник ряд суждений на эту тему.

Методика

Диагностическим инструментом служила психосемантическая методика «множественных идентификаций» (Петренко, Алиева 1987; Петренко 1987; 1997; 2005; Митина, Петренко 2000). В этой

методике различные личностные и стереотипные образы («ролевые позиции», в терминах Дж. Келли) сопоставляются через атрибуцию (приписывание) тому или иному образу (социальному типу) определенных поступков, стилей поведения в предлагаемых обстоятельствах. Например: «насколько присуще типичной дагестанской женщине распорядиться семейным бюджетом», или «не выйти замуж за возлюбленного, если против этого были родители», или «выйти замуж за представителя другой национальности или веры».

Была составлена опросная матрица, включающая 11 ролевых позиций: «я сама», две роли, имеющие положительную коннотацию, – «мой идеал женщины» и «идеал женщины с точки зрения общества», роль «презираемая всеми женщина» с отрицательной коннотацией, образы ряда национальностей – «типичная дагестанка», «типичная чеченка», «типичная русская женщина», «типичная американка», образы женщин прошлого и будущего – «женщина 40 лет назад», «женщина через 20 лет», а также образ «глубоко верующая женщина».

В качестве шкал-дескрипторов использовались 108 суждений, описывающих некие поступки в предлагаемых обстоятельствах.¹

Процедура опроса

Испытуемым предлагалось оценить по семибалльной шкале от +3 до –3, насколько тот или иной поступок свойствен той или иной ролевой позиции. Если он максимально соответствовал данной ролевой позиции, необходимо было поставить +3 в соответствующей графе. Если с точки зрения испытуемого данная характеристика совершенно не соответствовала роли, ставилось –3. Для промежуточных оценок использовались соответственно баллы от +2 до –2. Кроме того, каждый респондент анонимно отвечал на вопросы о возрасте, образовании, семейном положении, материальном достатке и вероисповедании.

Испытуемые

В исследовании приняли участие 148 студенток филологического факультета педагогического университета – будущих учителей.

¹ Ряд поступков, таких как «быть лесбиянкой» или «развестись с мужем, узнав, что он болен СПИДом», мало свойственных культуре выборки испытуемых, был обусловлен желанием сопоставить дагестанские данные с данными, полученными на американской выборке. Поэтому мы оставили его из предыдущего опросника, посвященного сопоставлению стереотипов американских и русских женщин (Митина, Петренко 2000; Петренко, Митина 2001; Petrenko, Mitina 2010).

лей русской словесности. Такая выборка, конечно, нерепрезентативна относительно социального состава дагестанского населения. Тем не менее в наших предыдущих исследованиях по кросс-культурному сопоставлению русских и азербайджанских девушек было показано, что семейно-бытовые стереотипы студенток Бакинского государственного университета оказались практически идентичными семейно-бытовым стереотипам азербайджанских мужчин – рабочих на нефтяных приисках, а стереотипы русских девушек совпадали со стереотипами русских мужчин и значительно отличались от таковых у азербайджанских женщин и мужчин. То есть внутри одного этноса представления о желаемом и должном в семейно-брачной сфере достаточно однородны даже для различных социальных групп (что, конечно, не может быть перенесено на другие области социального бытия). Поэтому данные, касающиеся студенток, при определенной доле погрешности, вызванной их большей «русифицированностью» по сравнению с общей массой населения, могут тем не менее отражать специфику менталитета дагестанского населения в области семейно-бытовых отношений. К тому же, оценивая не себя («я сама») или «свой идеал», а «типичную дагестанку», «типичную чеченку», «типичную русскую», «женщину 40 лет назад» или «женщину через 20 лет», они находятся скорее в позиции эксперта и дают соответственно экспертную оценку, в меньшей степени зависящую от собственных предпочтений.

Социально-демографическая структура выборки представлена следующими параметрами.

Выборка практически однородна по возрасту (от 19 до 21 года) и по семейному статусу («не замужем»). Только одна испытуемая ответила, что она замужем и имеет детей.

Общее количество (человек) – 148.

Материальное положение: низкое – 6,8; среднее – 89,2; высокое – 2,7; не указано – 1,4.

Возраст: минимальный – 17; максимальный – 23; средний – $19,65 \pm 0,974$.

Какую политическую партию поддерживают: «Единая Россия» – 60,8; КПРФ – 5,4; ЛДПР – 20,3; СПС – 1,4; не указано – 12,2.

Степень участия в политической жизни: интересуются (следят за СМИ) – 45,9; участвуют в выборах – 27,0; не интересуются – 23,0; не указано – 4,1.

Национальность: аварка – 30,4; агулка – 1,4; азербайджанка – 2,7; даргинка – 5,4; кумычка – 10,8; лачка – 2,7; лезгинка – 33,8; нагайка – 1,4; полулачка, полуаварка – 0,7; рутулка – 1,4; табасаранка – 5,4; не указано – 4,1.

Исповедуемая религия: ислам – 81,1; атеисты – 4,6; не указано – 14,3.

Анализ усредненных ответов

В ходе первичной обработки были вычислены усредненные внутригрупповые оценки ролевых позиций по всем шкалам и дисперсии в этих оценках. Для каждой роли и поступка по t-критерию Стьюдента проверялась гипотеза о значимом отличии (в большую сторону) усредненного показателя от +1 и, наоборот, при усредненном отрицательном показателе проверялась гипотеза о значимом отличии (в меньшую сторону) усредненного показателя от –1. Анализ позволил выявить значимо положительные и значимо отрицательные тенденции в оценивании определенных поступков для определенных ролей. Совокупность поступков, усредненная оценка которых для данной роли значимо отличается от +1 или –1, соответственно, позволяет создать семантический код этой роли.

Анализ данных по атрибуции поступков отдельным ролевым позициям дает интересный материал для реконструкции этнического менталитета респондентов. Например, можно выделить наиболее характерные поступки, приписываемые «типичной дагестанке». Она готова «посвятить свою жизнь семье и быть домохозяйкой» (1,8), стремится «иметь высшее образование» (1,35), работать в сфере воспитания и образования (1,57) или в сфере медицины (1,45), хотела бы выйти замуж за бизнесмена (1,15), политического функционера (1,19) или военнослужащего (1,16), но можно и за рабочего (1,04) и ученого (0,99). К возможности выйти замуж за фермера относится более чем сдержанно (0,54). «Типичной дагестанке» нашими респондентами приписывается желание «выйти замуж за глубоко религиозного человека» (1,15), но применительно к себе такая установка отвергается (соответствующий балл для позиции «я сама» –0,45).

Для «типичной дагестанки» достаточно высоко оценивается возможность «выйти замуж за человека другой национальности» (0,80), но исключается вероятность выйти замуж за представителя другого вероисповедания (–0,54) или расы (–0,28). Для нее исключено «прожить жизнь, не вступая в брак» (–0,96), «иметь добрач-

ные половые связи» (-1,04), «изменять мужу» (-0,90), «не выходя замуж, родить и воспитывать ребенка одной» (-1,16), «позитивно относиться к сексуальным меньшинствам» (-1,24) и «употреблять наркотики» (-0,99). «Типичная дагестанка» (с точки зрения наших респонденток) полагает, что «для наказания виновного и торжества справедливости необходимо личное участие пострадавшего или членов его семьи» (0,76). Она также готова «жить по религиозным законам» (0,95), считает, что «есть только одна истинная религия» (0,40), и не согласна, что «разные религии – разные пути к Богу» (0,16).

Для сопоставления приведем семантический «код» «типичной русской» (с позиции наших дагестанских респонденток). Типичная русская женщина «имеет высшее образование» (1,56), работает в сфере медицины (1,59), бизнеса (1,57), науки (1,45), предпочитает работать в государственном секторе (1,75), а также в области искусства (1,62) и массовой коммуникации (1,31). Она готова выйти замуж за бизнесмена (1,61), политика (1,42), военнослужащего (1,22), за представителя массовой культуры (1,39), на крайний случай – за ученого (0,88), но не за рабочего (0,26) и не за фермера (-0,26). Она хотела бы «выйти замуж за иностранца и уехать с ним жить за границу» (1,37), готова выйти замуж за человека другой национальности (1,31) или другой расы (0,61). Допускает возможность «находиться на содержании» у состоятельного мужчины (1,27), «иметь добрачные половые связи» (0,72), «изменять мужу» (0,69), «позитивно относиться к сексуальным меньшинствам» (0,35).

По мнению испытуемых, «типичная русская» придерживается пацифистских убеждений (0,85) и готова выйти замуж за человека другого вероисповедания (0,61). Она не живет по религиозным законам (-0,21) и строит взаимные отношения в семье на принципах равноправия (1,00). Более того, «типичная русская женщина» (по мнению респонденток-дагестанок) может даже претендовать на роль главы семейства (0,85). Как и «типичная дагестанка» (1,22), «типичная русская» уделяет много внимания своей внешности и здоровью (1,23). И русская, и дагестанка увлекаются кулинарией (0,88).

Как видим, семантические коды типичной дагестанки и русской (с позиции дагестанских респонденток) содержат как сходные поступки, так и значительно отличающиеся. Мерой сходства ролевых позиций могут служить коэффициенты корреляции поступков, атрибутированных этим ролевым позициям. В таблице 1 приведена

корреляция ролевых позиций по поступкам, атрибутированным этим ролям.

Таблица 1

Матрица интеркорреляций ролевых оценок

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Я сама	0,96	0,94	0,51	0,82	0,77	0,49	0,74	0,63	0,68	-0,19
Мой идеал женщины		0,97	0,58	0,82	0,78	0,57	0,72	0,71	0,64	-0,24
Идеал женщины с точки зрения общества			0,63	0,82	0,78	0,60	0,72	0,74	0,60	-0,22
Типичная русская				0,31	0,26	0,89	0,20	0,89	-0,07	0,27
Типичная дагестанка					0,95	0,20	0,90	0,44	0,85	-0,31
Типичная чеченка						0,16	0,90	0,39	0,84	-0,31
Типичная американка							0,09	0,89	-0,16	0,28
Женщина 40 лет назад								0,29	0,84	-0,30
Женщина через 20 лет									0,08	0,15
Типичная верующая женщина										-0,40

Примечание: 1 – мой идеал женщины; 2 – идеал женщины с точки зрения общества; 3 – типичная русская; 4 – типичная дагестанка; 5 – типичная чеченка; 6 – типичная американка; 7 – женщина 40 лет назад; 8 – женщина через 20 лет; 9 – типичная верующая женщина; 10 – презираемая всеми женщина.

Как видно из таблицы корреляций, имеется высокая идентификация рефлексивной позиции «я сама» дагестанских девушек с индивидуальным ($r = 0,96$) и общественным идеалом ($r = 0,94$). Хорошо ли это, когда человек полагает себя близким к идеалу? Творческим людям обычно свойственны недовольство собой, внутренние кризисы и муки самореализации. Человек же, полагающий себя идеалом, обычно малоспособен к саморазвитию. «Типичная дагестанка» высоко коррелирует с образом «верующая женщина» ($r = 0,84$). Высока корреляция в стереотипах поведения у «типичной дагестанки» и «типичной чеченки» ($r = 0,95$). С точки зрения

наших респондентов, «типичная русская» и «типичная американка» ведут себя достаточно сходным образом ($r = 0,89$), при том что отношение к ним у дагестанок амбивалентное. Так, образы «типичной русской» и «типичной американки» имеют корреляцию с образом «презираемой женщины» – 0,27 и 0,28 соответственно. Но при этом образ «типичной русской» и образ «типичной американки» коррелируют с образами «индивидуального идеала» ($r = 0,62$) и «общественного идеала» ($r = 0,56$). «Типичная русская» выступает для дагестанок неким ориентиром (маяком) будущего, высоко коррелируя с образом женщины будущего – «женщина через 20 лет» ($r = 0,88$). Однако образ женщины будущего не является для дагестанок однозначно положительным, их общественный и индивидуальный идеалы коррелируют как с «женщиной 40 лет назад» ($r = 0,72$ и $r = 0,71$), так и с «женщиной через 20 лет» ($r = 0,70$ и $r = 0,74$).

Результаты обработки данных с помощью факторного анализа

Обработка базы данных проводилась методом главных компонент с ортогональным вращением (предварительное косоугольное вращение не выделило значимых корреляций между факторами). В результате факторизации были выделены три наиболее значимых фактора.

Первый фактор объясняет 40 % общей дисперсии. На одном из его полюсов находились поступки, перечень которых с указанием факторной нагрузки (т. е. проекции вектора поступка на ось фактора) приводится ниже:

Жить по религиозным законам	0,83
Увлечаться кулинарией	0,82
Испытывать чувство тревоги за будущее свое и своих близких	0,82
Выйти замуж за любимого человека с очень низкими доходами без перспективы их увеличить	0,76
Работать в сфере воспитания и образования (воспитателем, учителем и т. д.)	0,74
Быть непримиримой противницей аборт	0,74
Посвятить свою жизнь семье, быть домохозяйкой	0,73
Заниматься рукоделием (шить, вязать, вышивать)	0,73
Выйти замуж за простого человека, хорошего хозяина, живущего «земными» проблемами	0,72

В своем поведении руководствоваться традициями и нормами морали, принятыми в обществе, в котором живет	0,69
Выполнять конкретную благотворительную работу в общественно-социальных организациях (интернатах, приютах, домах милосердия и т. д.)	0,69
Исповедовать какую-либо религию	0,65
Считать, что есть только одна истинная религия	0,65
Считать, что в воспитании детей главная роль принадлежит женщине	0,59

На противоположном полюсе первого фактора находились следующие поступки:

Изменять мужу	-0,99
Курить сигареты	-0,99
Употреблять наркотики, транквилизаторы и т. д.	-0,99
Употреблять спиртные напитки	-0,98
Не выходя замуж, родить и воспитывать ребенка одной	-0,98
Не имея ни от кого поддержки, отказаться от ребенка в родильном доме	-0,98
Быть лесбиянкой	-0,98
Отказаться от ребенка-инвалида, оставив его в государственном учреждении	-0,98
Завести служебный роман	-0,98
Выйти замуж за представителя криминальных структур	-0,98
Иметь добрачные половые связи	-0,98
Заниматься проституцией	-0,97
Не иметь детей, полагая, что лучше прожить жизнь без них	-0,96
Жить в гражданском (официально незарегистрированном) браке	-0,96
Развестись с мужем, получившим инвалидность	-0,96
Покончить жизнь самоубийством	-0,95
В случае развода отдать детей на воспитание мужу	-0,94
Временами испытывать желание переменить пол	-0,94
Находиться «на содержании» у состоятельного мужчины	-0,92
Выйти замуж за человека другого вероисповедания	-0,90
Быть главой семьи	-0,89
Выйти замуж за иностранца и уехать жить за границу	-0,86
Позитивно относиться к сексуальным меньшинствам	-0,85
Интересоваться мистическими и религиозными учениями	-0,84

Побыстрее выйти замуж, чтобы избавиться от родительского надзора и контроля	-0,83
Имея в браке детей, развестись с нелюбимым мужем	-0,82
Иметь отдельные от супруга сбережения	-0,82
Не выходить замуж, полагая, что лучше прожить жизнь одной	-0,82
Выйти замуж за человека другой расы	-0,79
Работать в сфере торговли и услуг (продавцы, официанты, парикмахеры и т. д.)	-0,77
Терпеть дискриминацию по половому признаку со стороны государства, общества	-0,76
Иметь традиционно мужскую профессию (в армии, службе безопасности и т. д.)	-0,75
Терпеть насилие со стороны мужа по отношению к дочери (имеющей другого отца), оставаясь с ним в браке	-0,74
Допускать возможность того, что у мужа могут быть другие женщины	-0,71

Исходя из содержания поступков, вошедших в этот фактор, он был назван фактором *Оценки* (рис. 1).

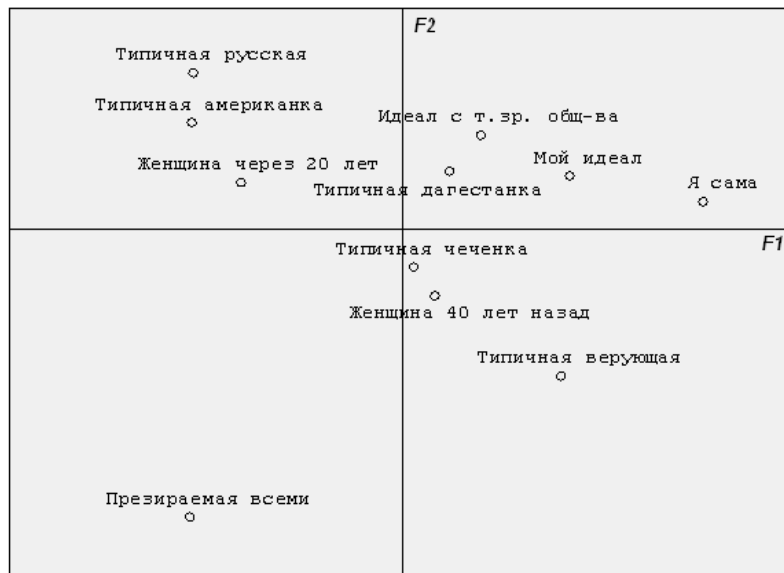

Рис. 1. Расположение ролевых позиций в семантическом пространстве (проекция на осях: F1 – «Оценка», F2 – «Эмансипированность и европейский стиль жизни»)

Второй фактор объясняет 31 % общей дисперсии и включает следующие поступки:

Работать в сфере массовой коммуникации (журналистом, редактором, диктором)	0,96
Работать в сфере науки	0,94
Работать в государственном учреждении	0,93
Выйти замуж за человека более высокого социального статуса	0,92
Выйти замуж за политического деятеля	0,92
Посвящать свободное время творческой деятельности, искусству	0,91
Работать руководителем (предприятия, организации, учреждения)	0,91
Придерживаться пацифистских убеждений	0,90
Выйти замуж за бизнесмена	0,89
Стать профессиональным политическим деятелем	0,89
Реально ощущать поддержку со стороны государства и общества	0,88
Заниматься спортом, туризмом	0,87
Работать в сфере искусства (актрисой, художником, писателем и т. д.)	0,87
Работать в сфере медицины (врачи, медсестры)	0,87
Строить взаимные отношения в семье на принципах равноправия	0,87
Иметь свой собственный бизнес	0,87
Выйти замуж за военнослужащего	0,86
Усыновить и воспитывать чужого ребенка	0,83
Работать в сфере бизнеса	0,83
Выйти замуж за «звезду» (спорта, эстрады, кино)	0,80
Быть патриоткой своей страны	0,79
Стать профессиональной спортсменкой	0,79
Уделять внимание своей внешности, здоровью	0,78
Иметь высшее образование или профессию высокой квалификации	0,76
Посвятить свою жизнь профессиональной карьере	0,75
Полагать, что поскольку религия и государство разделены, каждый человек должен сам решать, соблюдать ли религиозные нормы	0,73
Выйти замуж за человека другой национальности	0,73
Быть членом женской организации	0,73

Стать моделью, участвовать в конкурсах красоты	0,72
Развестись с мужем, узнав, что он болен СПИДом	0,71
Полагать, что для наказания виновного и торжества справедливости необходимо личное участие пострадавшего или членов его рода	0,70
Считать, что государство должно осуществлять патерналистскую политику (поддержку) по отношению к женщинам	0,66
Развестись с мужем из-за того, что он алкоголик	0,64

Судя по содержанию пунктов опросника, вошедших в однополюсный второй фактор, он по сути своей также оценочный, хотя ортогонален (независим) по отношению к первому фактору. Перечень пунктов опросника, таких как «получить высшее образование», «иметь собственный бизнес», «работать в сфере массовой коммуникации (журналистом, редактором, диктором)», «уделять внимание своей внешности и здоровью», «стать моделью, участвовать в конкурсах красоты» и т. п., позволяет интерпретировать второй фактор как положительно трактуемую эмансипированность и европейский стиль жизни. Так и назовем его – фактором *Эмансипированности и европейского стиля жизни*.

Третий фактор объясняет 13 % общей дисперсии. Его полюс образовали пункты:

Выйти замуж не по любви, по настоянию	0,93
Разделять точку зрения о мужском превосходстве над женщинами	0,92
Выйти замуж за фермера	0,92
Работать в сфере сельского хозяйства	0,91
Выйти замуж за рабочего	0,88
Посвятить свою жизнь религиозному служению (в монастыре, секте)	0,85
Нигде не работать, рассчитывая на помощь родителей	0,83
Быть заранее согласной с выбором жениха, который сделают родители	0,81
Терпеть насилие со стороны мужа по отношению к себе, оставаясь с ним в браке	0,80
Выйти замуж за глубоко религиозного человека	0,80

Третий фактор был назван нами фактором *Традиционно-патриархального стиля жизни* (рис. 2).

дествляет себя со «средним» или «типичным», вполне закономерно. Например, в наших исследованиях, проведенных на слепых испытуемых, респонденты с полной потерей зрения полагали себя более сохранными и приспособленными к жизни, чем «типичные» незрячие. А в исследовании, проведенном на хронических алкоголиках, никто из них не идентифицировал себя с «хроническим алкоголиком». Любой человек полагает себя уникальным, ибо смотрит на себя изнутри и видит больше, чем видит в других людях, так сказать, снаружи. Но полярная контрастность ролевых позиций «я сама» и «типичная дагестанка» по третьему фактору свидетельствует о некоторой амбивалентности к собственной культурной среде общения.

Высоко оценивая высшее образование, дагестанские девушки не прочь «посвятить жизнь семье и воспитанию детей, став домохозяйкой». Престижными для них являются профессии, требующие высокой квалификации, и возможность собственного бизнеса. Негативно оценивается перспектива работы в сельском хозяйстве.

Дагестанские девушки высоко оценивают религиозность и не допускают ни для себя, ни для «типичной дагестанки» возможность выйти замуж за представителя другой веры (как и другой расы, что, впрочем, удивительно, так как среди мусульман, как мы знаем, достаточно много африканцев). При этом их не интересуют религиозные или мистические учения. Они не готовы «выйти замуж за глубоко религиозного человека», что позволяет предположить, что их религиозность носит скорее обрядово-бытовой характер и не имеет тех мистических корней, которые присущи суфийской традиции ислама, исторически исповедуемой в Дагестане.

Дагестанские девушки резко отрицательно относятся к социальным и сексуальным девиациям, присущим современному западному обществу (гомосексуализм, употребление наркотиков и т. п.). Негативно они относятся и к практике аборт и не считают, что «решение об аборте – прерогатива самой женщины». При этом они не готовы «терпеть дискриминацию по половому признаку со стороны государства», «терпеть насилие со стороны мужа» и «хотели бы строить взаимные отношения в семье на принципах равноправия».

Помимо информации о гендерных стереотипах поведения дагестанских девушек наше исследование позволяет оценить особенности социально-политического климата в Дагестане по ответам на косвенные вопросы.

Хотя республика относится к дотационным регионам и в ней высока безработица, сводить повышенную криминально-террористическую обстановку только к экономическому фактору представляется малопродуктивным. «Гораздо больше объяснений сложившейся ситуации можно получить, ознакомившись с культурно-идеологическими предпосылками конфликта на Северном Кавказе. Можно использовать обобщенное понятие “кавказская культура”. Идеологическую и ценностно-мировоззренческую основу этой культуры составляет своеобразное сочетание традиционализма и ислама. Ислам в разных его вариациях одухотворяет современную (подчеркнем: именно современную) кавказскую культуру, интегрирует ее изнутри и в то же время обособляет от других культурных систем, например от тех, которые не основываются на религиозной идее. Идеология, основанная на исламе, превращается в национальную идею народов Кавказа, фиксируя и подчеркивая партикулярность данного региона, его особый статус в рамках Российской Федерации. Идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к исламскому цивилизационному миру позволяет говорить не только о культурно-идеологическом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа» (Аксюмов 2011: 265).

При этом, полагает А. Ганиева, ислам в массовом сознании вовсе не тождествен тому глубокому религиозно-мистическому исламу, который породил исламскую цивилизацию Средневековья, давшую миру великих мыслителей, ученых, поэтов. «Людей с глубокой культурой и достоинством все больше вытесняют пассивные маргиналы-даги с раздвоенным или даже “растроеным” сознанием. В одной и той же голове уживается несколько моделей поведения: прозападная (охота за брендами, роскошные, фирменно “посаженные” тюнингованные автомобили, ночная жизнь, наркотики, активное поглощение поп-культуры и др.), поверхностно-исламская (ревностное соблюдение религиозных предписаний, поста и т. д.) и кавказская (остатки национального менталитета вроде почитания дома, старших, родственников, культ спартанской выносливости и физической силы и пр.). В итоге правила “пикапа” и Коран легко соседствуют в одной библиотеке. Махачкала пестрит модной рекламой, которая перемежается большими плакатами-призывами: “Помни о смерти – разрушительнице наслаждений”. На заборах и стенах лозунги “Нет законов, кроме законов Аллаха” соседствуют с призывами чатиться и знакомиться для интимных

встреч. Иногда получаются странные вывески-гибриды типа «В месяц Рамадан 50 % скидок в салоне «Визаж»» (Ганиева 2011: 3).

В хлесткой, возможно, несколько утрированной публикации Ганиевой схвачено то, что проявилось и в нашем исследовании на материале вроде бы наиболее успешных (по сравнению с ровесницами и ровесниками) дагестанских студенток – некоторая раздвоенность, «кентавричность» сознания, ориентированного на блага современного западного (а теперь уже и российского) общества, при акцентуации (как своего рода гиперкомпенсации) особого «кавказского менталитета», ориентированного на бытовую обрядовую религиозность, скорее служащую национальным брендом, чем возвышающим духовным началом, а также повышенная конфликтность, обусловленная завышенной, но неустойчивой самооценкой (проявившейся в тождественности образов «я сама» и «мой идеал»). Эта закономерность может быть перенесена и на мужское население. О близости и практическом совпадении мужских и женских стереотипов относительно того, «что такое хорошо и что такое плохо», выявленных в наших предыдущих исследованиях, уже упоминалось выше. Судя по всему, беда молодых жителей Дагестана в том, что старая патриархальная культура их предков оказалась за советское и особенно постсоветское время в значительной мере утраченной, а полноценное европейское образование и культура, идущие из России и Европы, недополучены как по причине клановости и коррупции в самой республике, так и по причине уменьшения влияния РФ в этом регионе из-за ослабления самой России и отсутствия дальней стратегии в ее кавказской политике.

«Уровень социально-экономического развития региона, безусловно, ниже, чем в наиболее развитых субъектах Российской Федерации, в том числе у соседей по Югу России (Краснодарский край, Ростовская область), однако вполне сопоставим с уровнем развития многих регионов страны. Полномочный представитель президента в СКФО А. Г. Хлопонин в ответ на расхожие утверждения о том, что терроризм на Северном Кавказе обусловлен безработицей, заметил, что уровень безработицы здесь не выше, чем в других регионах страны. Тем не менее в других регионах конфликтная активность и тем более ежедневные террористические риски несравненно ниже, а если они там все же присутствуют, то чаще всего имеют «кавказский след». Иными словами, социально-экономическая детерминация в данном случае не срабатывает.

Очевидно, что уровень промышленного производства низок не только на Северном Кавказе и проблема безработицы характерна не только для данного региона. Корректно ли в таком случае выводить конфликтогенный потенциал Северного Кавказа из кризисного состояния социально-экономической ситуации, а тем более только из этого фактора?» – задается вопросом Б. В. Аксюмов (2011: 265).

Более адекватное объяснение сложившаяся ситуация находит в культурно-идеологических предпосылках конфликта на Северном Кавказе. Сочетание традиционализма и ислама создает современную основу кавказской культуры, консолидируя ее изнутри и отделяя от неисламской и некавказской культуры. Национальной идеей народов Кавказа становится идеология, основанная на исламе, формирующая не только идейное, но и цивилизационное его обособление. В этом контексте идеи евразийства как исторической, экономической и культурной общности бывших регионов Российской империи в их объединяющей ипостаси (а не в противопоставлении Западу) могут стать идеологической контрверзой сепаратизму и религиозному фундаментализму на Северном Кавказе.

Литература

Акаев, А. А. 2011. Дмитрий Лихачев и Лев Гумилев: сопряжение судеб. *Диалог культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские научные чтения.* СПб.: СПбГУП, с. 21–22.

Акопов, Г. В. 2009. Классическая и/или неклассическая психология сознания. *Методология и история психологии* 1: 130–136.

Аксюмов, Б. В. 2011. Диалог культур на Северном Кавказе в условиях глобализации: проблемы и возможности. *Диалог культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские научные чтения.* СПб.: СПбГУП, с. 264–266.

Алексеев, Н. Н. 1998. *Русский народ и государство.* М.: Аграф.

Братусь, Б. С. (ред.). 1995. *Начала христианской психологии.* М.: Наука.

Брунер, Дж. 1977. *Психология познания.* М.: Прогресс.

Василюк, Ф. Е. 2005. *Переживание и молитва.* М.: Смысл.

Волочкова, Н. 2011. Сценарий до востребования. Ученые подключились к урегулированию кавказского кризиса. *Поиск* 27–28: 8.

Выготский, Л. С. 1934. *Мышление и речь.* М.; Л.: Госсоецкиз.

Гадамер, Х. Г. 1988. *Истина и метод.* М.: Прогресс.

Ганиева, А. 2011. Горская истина. *Московский комсомолец* 16 августа: 3.

Гапова, Е., Усманова, А. (ред.). 2000. *Антология гендерной теории*. Минск: Пропплеи.

Гумбольдт, В. 1984. *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс.

Гумилев, Л. Н.

1989. *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Изд-во ЛГУ.

1993. *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*. М.: Прогресс.

2007. *От Руси к России*. М.: АСТ.

2008. *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*. М.: АСТ.

Гуревич, А. Я. 1984. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.

Даржа, В. К. 2007. *Тайны мировоззрения тувинцев-номадов*. Кызыл: Тувин. кн. изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша.

Знаков, В. В. 2007. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие. *Методология и история психологии* 3: 65–74.

Кант, И. 1964. *Соч.*: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль.

Карицкий, И. Н. 2011. Евразийство и национальная идея (психологический анализ). *Вестник университета (Государственный университет управления)* 21: 55–59.

Карицкий, И. Н., Петренко, В. Ф. 2012. Евразийство и национальная идентичность. *Евразийская ментальность*. М.: Информполиграф, с. 13–39.

Келли, Дж. 2000. *Теория личности. Психология личных конструктов*. СПб.: Речь.

Кенин-Лопсан, М. Б. 2002. *Мифы тувинских шаманов*. Кызыл: Новости Тувы.

Ким, В. Н. 2004. *Философия культуры евразийства и наследие художественной культуры Центральной Азии*: дис. ... д-ра филос. наук. М.

Костикова, И. В. (ред.). 2005. *Введение в гендерные исследования*. М.: Аспект Пресс.

Лавров, С. Б. 1999. Уроки Льва Гумилева. *Евразийский вестник* 6.

Митина, О. В. 1999. Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах. *Общественные науки и современность* 3: 179–191.

Митина, О. В., Петренко, В. Ф.

2000. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения в России и США. *Вопросы психологии* 1: 68–86.

2002. Моделирование динамики общественного сознания на примере женских стереотипов. В: Савченко, Т. Н., Головина, Г. М. (ред.), *Методы исследования психологических структур и их динамики*. Вып. 2. М.: ИП РАН, с. 71–88.

Назаретян, А. П. 2015. *Нелинейное будущее*. М.: Агамак-Медиа.

Петренко, В. Ф.

1983. *Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании*. М.: МГУ.

1987. Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям. *Советская этнография* 3: 22–38.

1988. *Психосемантика сознания*. М.: МГУ.

1997. *Основы психосемантики*. М.: МГУ.

2005. *Основы психосемантики*. СПб.: Питер.

2010. *Основы психосемантики*. М.: Эксмо.

Петренко, В. Ф., Алиева, Л. А. 1987. Исследование этнических стереотипов с использованием методики «множественных идентификаций». *Психологический журнал* 6: 34–41.

Петренко, В. Ф., Карицкий, И. Н. (ред.) 2012. *Евразийская ментальность*. М.: Информполиграф.

Петренко, В. Ф., Митина, О. В.

2001. Россиянки и американки: стереотипы поведения (психосемантический анализ). *Социологические исследования* 8: 70–81.

2011. К проблеме евразийства: этнические гендерные стереотипы. *Вестник университета (Государственный университет управления)* 18: 61–69.

Степин, В. С. 1986. О прогностической природе философского знания. *Вопросы философии* 4: 39–53.

Сулейменов, О. О. 1975. *Аз и Я*. Алма-Ата: Жазушы.

Титаренко, М. А. 2011. Евразийство как парадигма сосуществования и расцвета многообразия культур и цивилизаций. *Диалог культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские научные чтения*. СПб.: СПбГУП, с. 157–162.

Товуу, Н. О. 2009. *Психологический облик тувинского народа*. Кызыл: ТувГУ.

Трубецкой, Н. С. 1999. *Наследие Чингисхана*. М.: Аграф.

Черных, Е. Н. 2009. *Степной пояс Евразии: феномен кочевых народов*. М.: Рукописные памятники Древней Руси.

Шпенглер, О. 1993. *Закат Европы*. М.: Наука.

Экономическая энциклопедия регионов России: Республика Дагестан. 2009. М.: Экономика.

Osgood, C. E., Suci, G., Tannenbaum, P. 1957. *The Measurement of Meaning*. Urbana, IL: University of Illinois Press.

Petrenko, V. F., Mitina, O. V. 2010. Psychosemantic Approach to Studying Gender Role Attitudes. *Psychology in Russia: State of the Art*. М.: MSU, pp. 351–411.